

ТЕАТР

СЫГРАННЫХ РОЛЕЙ

В Москве есть театр Ефремова, театр Табакова, театр Марка Захарова, Розовского, Спесивцева... Ни одно из этих имен не равнозначно беспорочному успеху каждой премьеры, не равнозначна даже правильности и плодотворности пути в поисках этого успеха. Их театр динамичен со свойственными любому творчеству завоеваниями и спадами. Но тем не менее именно об их театре вполне можно сказать, перефразируя поэта: театр в России больше, чем театр. И, быть может, не такой парадоксальной окажется мысль, высказанная Виктором Гульченко, о том, что СССР развалили Олег Николаевич Ефремов и Татьяна Васильевна Дороница. МХАТ, Ермоловский, Таганка... Задали тон театры — настолько они велики.

И здесь разговор о театральной жизни не только как художественной, но и общественной, о том, что выходит за рамки разговора о сыгранных спектаклях. Речь о спектаклях и внутритеатральной жизни в контексте самой жизни, о формировании духовного микроклимата, в котором мы живем...

В Липецке есть театр Пахомова. И для этого города он больше, чем просто городской драмтеатр. Выросший на месте давно разрушенного храма, на одной из центральных площадей города — Театральной. Так что теперь многие улицы города ведут к Театру.

Бесспорно главный двигатель в этом театре — его художественный руководитель и директор Владимир Михайлович Пахомов, энергичный и страстный, талантливый и неуемный человек, преданный друзьям, непримиримый к врагам и бесконечно влюбленный в свое дело. Приехавший в Липецк — город металлургов, нетеатральный город, и подчинивший его себе: на его премьерных аншлаги. Он приучил к театру, воспитал и вырастил целое поколение зрителей, заставляя смотреть и слушать классику. Он ставил «Чайку» и «Дядю Ваню», «Живой труп», опять возвращался к Чехову — «Вишневый сад», потом Островский — «Без вины виноватые»... Он стал возить актеров в Ясную Поляну и играть там сцены из спектаклей, заставляя вживаться в подлинную обстановку дома, запоминать, впитывать, а потом из этого мира — возвращаться и играть на липецкой сцене тот же спектакль, но уже по-другому.

Особым притяжением для театра стал Антон Павлович Чехов. Пахомов в 1982 году отважился на эксперимент — сыграть «Чайку» там, где она была написана, — в Мелихово. И с тех пор каждый год, в мае, когда цветет сирень, в мелиховской усадьбе играет новый спектакль. В Ялте и Таганроге, домах-музеях А. П. Чехова, среди близких друзей также назовут липецкий театр. На ялтинской набережной можно было встретить прогуливающуюся там «Даму с собачкой» (О. Овчинникова), а в ялтинском доме писателя услышать разговор Ольги Леонардовны (С. Погребняк) и Антона Павловича (М. Янко)...

Но для театра, для города важно не только самим ездить, но и гостей принимать, нужно, чтобы приезжали знаменитости. Представьте, как в фойе московского театра вы замечаете Бельмондо, Мастурьяни или Лайзу Миннелли. Такое же, вероятно, чувство вызывает у провинциального зрителя встреча в одном зале с Ульяновым или Ефремовым.

В прошлом году на «Липецких театральных встречах» «столичным генералом» был Михаил Ульянов, и у него брали автографы, в этом году на программах расписывались Евгений Стеблов и Нинель Шахова. На следующий год автографы будут юбилейными — «театральные встречи» пройдут в десятый раз. Знаменитости обязательно будут. Не будет среди них только Владимира Яковлевича Лакшина.

Лакшин занимал в жизни этого театра особое место. Пахомов, открывая «Липецкие театральные встречи», вспоминал слова Чехова, услышанные им от Лакшина: что будет с нами, с литературой, с Россией, если вдруг умрет Лев Толстой? Если это произойдет, то образуется огромная черная дыра. Огромное пустое пространство, потому что, пока жив Толстой, существует высочайший уровень культуры. «И для меня», — скажет Пахомов, — со смертью Владимира Яковлевича образовалась огромная черная дыра. Он был Дон Кихотом русской культуры...».

Лакшин любил театр требовательной любовью, приезжая в Липецк, как признается режиссер, и хвалить и ругать.

Почему статья называется «Театр сыгранных ролей»? В этом театре, как в маленьком зеркале, отразились многие проблемы, свойственные и столичным театрам, издательствам, журналам. В прошлом у них — завоеванное честное имя. Сейчас на всех обрушился хаос смены эпох. И как его преодолеть достойно? Кто знает? И Липецкий, похоже, на переломе, хотя внешне все выглядит достаточно благополучно. Финансовый кризис ударяет по всем, и если денежную инфляцию здесь все же удается переломить с помощью влиятельных спонсоров ли, СГД, собственными силами, то что делать с проглядывающим кризисом в искусстве, опять же не только Липецка касается, всех. Через несколько лет в театр придет (или не придет вовсе) уже совсем другой зритель — уже изменились его энергетика, внутренний мир. Другие токи пойдут из зрительного зала. И каков он, театр несыгранных ролей, театр в будущем, сказать сложно. Театр на переломе. Пахомов, это открыли давно — художник интуиции, и не может не чувствовать, не ощущать всего этого. Вероятно, оттого и впускает в свой спектакль-комедию Островского «Таланты и поклонники» горечь и грусть, жесткость сегодняшнего дня. Но постановка, к сожалению, пробуксовывает внутренне, что-то мешает свободной речи. (Сказалось и неудачное оформление, характерное почти для всех последних работ).

И все же Пахомов ищет новые для своего театра пути, возможности, что заметно и в других премьерках, — вдовиле Д. Ленского «Лев Гурыч Синичкин» (режиссер Я. Лившиц) и инсценировке А. П. Чехова «Пестрые рассказы» (постановка В. Пахомова, режиссер Н. Чебыкин). Но если спектакли последних нескольких лет воспринимались достаточно единодушно — с благодарностью и прочими милыми любому режиссерскому сердцу чувствами со стороны зрителей и критики, то эти все три премьеры встретил неожиданный разброс мнений: от традиционного приятия до неприятия. Но как ни странно, этот маятник впечатлений — симптом живого театра. Театр не умер, он по-своему переживает кризис. А кризис переживают так или иначе все. «Такое время на дворе». А театр — состояние души.

Что же касается Липецка, там на этот случай опять же вспоминали Чехова: «Надо дело делать, господа...». И как знать, кто первым справится с этим хаосом, — столичный ли театр или провинциальный? У липецкого театра есть потенциал — актеры. Режиссер любит своих актеров. И когда кто-то исчезает со сцены в силу разных причин, его место остается незанятым. Так, в этом году на сцене не хватало В. Бражника, хорошей характерной актрисы, и конечно, замечательной Ю. Ганиной. Кстати, вот еще почему статья так называется. Многие актеры уже сыграли свои роли так, что теперь говорят о К. Шитовой — Мерчуткиной, Арине Галчихе; С. Погребняк — Софье Андреевне, Раневской, Кручинной; М. Янко — Тригорине, дяде Ване,

Лопатине; В. Пономареве — Шмаге, Льве Гурыче; Ю. Ильине — Гаеве; О. Овчинниковой — Варе; В. Азраменко — Пете Трофимове... Всех талантливых актеров не назвать.

Мир театра, как, пожалуй, никакой другой, публичный. Успех, цветы, аплодисменты — при публике, провал — мертвая пауза, резкий свист или того хуже — отсутствие зрителя. У художника, даже при жизни в нищете, останутся картины, покупаемые и перепродаваемые потом за валюту. У писателя останется рукопись в столе ждать удачного расположения звезд. Актерам и режиссеру нужен звездный час в день премьеры. А уже сыгранный спектакль обрест легендами об актрисе такой-то и актере таком-то. И этот миф, творимый всем театральным миром, войдет в театральную летопись. А время рассудит, и, если потомки не позабудут, кто-то когда-нибудь извлечет на свет Божий колоритный рассказ об антрепренере, благоволившем на дебют великую актрису...

«Русская антреприза XIX века» — так была обозначена тема научно-практической конференции, по форме своей все же больше напоминавшей свободный семинар. В чем, собственно, были свои плюсы-минусы.

Не было искусственного наукообразия, тоскливого и бесплодного. Нестрогая научность докладов чеховской комиссии, а порой и артистичность, как у Е. Сахаровой, дополнялась полемическим мышлением В. Гульченко, его способностью думать поперек, парадоксально, однако самое неожиданное сцепление «Чехов и Эйнштейн» осталось за рамками регламента... Но жал, что оказался никому не нужным разговор о только что увиденных спектаклях театра. Раньше это было полезным обобщением, но режиссер, вспомнив Эфроса, решительно ушел от разговоров, чтобы давление не засвидетельствовало предискусного состояния. В этом случае критик воспринимался как санитар леса. Что же, может быть, критики и повинны в такой репутации.

И все же почему так охотно едут в Липецк, решительно оставляя все дела-проблемы на Павелецком вокзале. Едут в город, включающий в себя другой, — горящий металл, дымящие жерла, но с целебной минеральной водой — знаменитой Липецкой. А когда не дует ветер с комбината и не повисает тяжелый смог над городом, то чистым воздухом. Так и для многих театр — своего рода оазис. Фестиваль — это работа и отдых, встречи, знакомства... И главное в липецких встречах — люди, которых для себя открываешь. В этом году таким открытием стал Евгений Стеблов. А «ш-ш-шепот» И. М. Тарханова-Москвина поселится, я думаю, в театре надолго — так он показал великое мхатовское искусство, соединив времена. Соединил по-своему времена и липецкий ныне актер, приехавший из Риги, Михаил Ильин, поведав историю о своем отце, но все это темы для отдельных разговоров. Как и тема сохранности чеховской могилы, как и уникальное издание — дневник отца Чехова, — подготовленное к печати чеховцами.

Прежде традиционным другим измерением поездке давали маленькие путешествия — в Елец, Задонск с их удивительными храмами, другим течением жизни, маленьким и потрескавшимся Музеем И. А. Бунина. В этом году мы проехали мимо храма в Ельце, попав на роскошный обед к местному купцу. И вот это осталось — мимо.

Было еще одно удивительное открытие на этот раз — настоящий русский художник Виктор Сорокин. Но здесь только упомянуть, чтобы заполнить имя.

А дом Мастера, теперь есть такой музей в Липецке, выставлен тем самым купцом.

Надежда ПАБАУСКАЯ.